

В МИРЕ ГИГАНТОВ



МАРИЯ КИРОВА

Мария Кирова

В мире Гигантов

«Автор»

2026

Кирова М.

В мире Гигантов / М. Кирова — «Автор», 2026

Ника просто хотела лишь вернуться из отпуска домой, но таинственное озеро выбросило её в мир шестиметровых великанов. Здесь людей называют «мелкими», продают, запирают в клетках и используют в жестоких играх. Единственный, кто способен защитить Нику, — Ториан, могучий воин, связанный клятвой с её врагом. Одно неосторожное движение — и он может сломать её. Одно прикосновение — и она забудет, почему так отчаянно хотела домой.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний день отпуска	5
Глава 2. Немое озеро	12
Глава 3. Пробуждение среди исполинов	18
Глава 4. Архимаг Вардог	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Кирова

В мире Гигантов

Глава 1. Последний день отпуска

Последний день отпуска должен был закончиться в машине.

Девять часов по трассе. Кофе на заправке. Спор из-за музыки. К полуночи – квартира, душ и попытка не думать о понедельничной планёрке.

Вместо этого Ангелина тащит меня через лес к озеру, где, по словам продавщицы из деревенского магазина, «случалось всякое».

– Я тебя предупреждаю: если там змеи, я ухожу, – говорю я.

– В воде?

– В траве.

– В воде ты их не увидишь.

– Это не делает ситуацию лучше.

Ангелина переступает через поваленную берёзу и поправляет рюкзак. Рыжий хвост качается между лопатками. На носу солнечные очки, хотя под елями сумрачно, а солнце мы видели последний раз возле трассы.

– Ты три дня прожила с моими родственниками, – напоминает она. – После тёти Лиды тебе уже ничего не страшно.

– У тёти Лиды дверь в ванную не закрывается.

– Зато она стучит.

– Уже после того, как входит.

Ангелина смеётся. Ветка, которую она отпускает, хлещет меня мокрыми листьями.

Я останавливаюсь.

– Ты это специально.

– Нет.

– Ты даже не обернулась.

– Я доверяю пространству.

– Пространство тебя ненавидит.

Она возвращается, снимает с моего плеча прилипший лист и улыбается так, будто этим всё исправила.

Иногда исправляет.

Мы знакомы восемь лет. На первом курсе Ангелина заняла моё место у окна и объяснила, что у неё аллергия на свет люминесцентных ламп. Через неделю забрала мою синюю ручку. Через месяц – половину картошки из контейнера. Потом каким-то образом забрала меня целиком.

С тех пор она принимает решения, а я составляю к ним план эвакуации.

– Далеко ещё? – спрашиваю я.

– Полкилометра.

– Пятнадцать минут назад было полкилометра.

– Мы идём по сложной местности.

– Мы идём по тропе.

– Она сложная эмоционально.

До машины, по моим расчётам, полтора километра. До квартиры – девять часов, если на объездной снова не ремонт. До рабочего стола – меньше двух суток. Я вижу его слишком

ясно: монитор с жёлтой запиской на рамке, таблица просроченных задач, кружка с засохшей заваркой.

Перед отпуском я собиралась её вымыть.

Потом позвонил начальник и спросил, могу ли я «на минутку подключиться». Через сорок минут я закрыла ноутбук, схватила чемодан и уехала.

Кружка осталась.

Почему-то мысль о ней угнетает сильнее, чем сама работа.

– Ты опять считаешь, – говорит Ангелина.

– Что?

– Расстояние. Время. Бензин. Количество причин, по которым нам не стоило сюда идти.

– Причин семь.

– Было шесть.

– Я вспомнила про змей.

– Зато будет красиво.

– Так обычно говорят перед тем, как человек падает со скалы ради фотографии.

– Мы не полезем на скалу.

– Потому что ты нашла озеро.

Она оборачивается и идёт спиной вперёд.

– Ника, это последний день. Завтра мы полдня проведём в дороге, потом ты вернёшься домой и снова станешь отвечать на письма в десять вечера.

– Не стану.

– Станешь.

– Возможно.

– Именно. Поэтому сегодня мы купаемся.

– Мы ещё не видели воду.

– Я чувствую её.

– Это пот.

– Ты очень неприятный человек.

– Зато живой.

На слове «живой» из леса доносится короткий крик птицы.

Мы одновременно замолкаем.

Звук обрывается так резко, будто кто-то зажал его рукой.

Ангелина снимает очки и смотрит между деревьями.

– Это кто?

– Надеюсь, птица.

– Спасибо, биолог.

Я прислушиваюсь. Ветер шевелит верхушки елей, но внизу воздух стоит. Нет привычного стрекота, треска веток, шороха в траве. Даже наши шаги кажутся слишком громкими.

– Может, вернёмся? – спрашиваю я.

Ангелина смотрит вперёд.

– Теперь точно полкилометра.

– Это не ответ.

– Это надежда.

Она продолжает идти.

Я иду следом.

Не потому, что верю в её надежду. Просто оставлять Ангелину одну в лесу опаснее, чем встретить змею.

Через несколько минут деревья расступаются.

Озеро лежит перед нами круглым тёмным пятном.

Я видела фотографии. На них была обычная вода среди елей: синее небо, солнечные блики, люди на берегу. Фотографии ввали.

Вживую озеро похоже на отверстие, вырезанное в лесу.

Ни камышей. Ни уток. Ни мошек над водой. Поверхность гладкая, почти чёрная. На противоположном берегу стволы стоят так плотно, что между ними нет просвета.

У самой воды покачивается табличка.

Один столб накренился. Краска облупилась. Но слова читаются.

«ОЗЕРО НЕМОЕ».

Ниже:

«КУПАНИЕ ЗАПРЕЩЕНО».

Ангелина кладёт ладони на табличку.

– Красивое название.

– Запрет ниже тоже выразительный.

– Буквы почти стёрлись.

– Значит, предупреждают давно.

– Или давно не перекрашивали.

Я ставлю рюкзак на корень. Возле воды холоднее. Воздух пахнет мокрой корой, тиной и железом. Последний запах слабый, но неприятный – будто я прикусила губу.

Ангелина уже снимает футболку.

– Нет.

– Что «нет»?

– Всё, что ты сейчас задумала.

– Я переодеваюсь.

– Мы пришли посмотреть.

– Ты пришла посмотреть. Я тащила маску через весь лес.

– Полтора километра.

– По ощущениям – границу.

Она остаётся в чёрном купальнике, складывает одежду на рюкзак и подходит к воде.

Я скрещиваю руки.

– В магазине женщина сказала, что здесь пропадали люди.

– Она сказала: «Бывало всякое».

– Это не успокаивает.

– В деревнях «бывало всякое» означает что угодно. Кто-то утонул. Кто-то украл лодку.

Кто-то увидел русалку после самогона.

– Во всех вариантах купаться не стоит.

Ангелина опускает ступню в воду и резко втягивает воздух.

– Холодная.

– Озеро в лесу. Какая неожиданность.

– Зато прозрачная.

Я подхожу ближе.

У берега видны серый песок и плоские камни. Дальше, метрах в трёх, дно резко исчезает. Не уходит постепенно – обрывается в темноту, как край лестницы без следующей ступени.

– Глубина четырнадцать метров, – говорит Ангелина.

– Ты всё-таки читала про это место?

– Конечно.

– И решила, что запрет – рекомендация?

– Мы не поплывём на середину. Войдём по пояс, нырнём у берега и выйдем.

– Нет.

Она поворачивается.

Этот взгляд я знаю. Голова чуть набок. Губы сжаты, чтобы не улыбнуться. Молчание, в котором я должна сама назвать условия капитуляции.

- Нет, – повторяю я.
- Ты надела купальник.
- Потому что ты обещала пляж.
- Вот вода. Вот берег.
- Пляж предполагает хотя бы одного человека, который продаёт кукурузу.
- Я продам тебе печенье.
- Оно моё.
- Тогда бесплатно.

Она делает ещё шаг. Вода доходит ей до колен.

По поверхности расходятся круги.

Слишком ровные.

Я замечаю это и сразу решаю, что показалось. Вода спокойная, любое движение здесь заметнее.

- Пять минут, – говорит Ангелина. – Я одна. Ты стоишь на берегу и следишь.
- За чем?
- За чудовищем.
- И что я сделаю, если оно появится?
- Скажешь, что мы заняты.
- Очень убедительно.

Она натягивает маску.

– В боковом кармане тряпка. Кинешь? Стекло запотело.

Я не двигаюсь.

– Ника.

– Ты всё равно полезешь?

– Да.

– Даже если я уйду?

– Ключи от машины у меня.

Она похлопывает по рюкзаку и улыбается.

Я закрываю глаза.

Иногда быть взрослой – это не запрещать. Это выбирать, насколько близко стоять, пока другой человек делает глупость.

– Только у берега, – говорю я. – Никаких заплывов. Никаких «смотри, как глубоко». Никаких попыток подружиться с подводной жизнью.

- Согласна.
- Ты даже не дослушала.
- Потому что уважаю твоё время.
- Я иду рядом.

Ангелина снимает маску и обнимает меня мокрыми руками, хотя в воду вошла только по колени.

- Я знала, что ты меня любишь.
- Я иду, чтобы потом правильно описать место происшествия.
- Тоже любовь.

Мы раскладываем вещи на корнях.

Полотенца. Запасную одежду. Бутылку воды. Печенье. Пакет с абрикосами, который мы купили у старика возле трассы.

Один плод подгнил сбоку.

– Выбросить? – спрашивает Ангелина.

- Оставь. Ты за него торговалась.
 - Я торговалась за справедливость.
 - В размере сорока рублей.
 - Справедливость начинается с малого.
- Она кладёт абрикос обратно.

Я снимаю шорты и майку. Под ними тёмно-синий слитный купальник, купленный для бассейна и ни разу не использованный.

- Ангелина оглядывает меня.
- Что?
 - Ничего.
 - Говори.
 - Просто даже купальник у тебя цвета офисной папки.
 - Он синий.
 - Он цвета «Документы за прошлый квартал».
 - А твой чёрный – цвет радости?
 - Он стройнит.
 - Для рыб?
 - Особенно для рыб. У них строгие стандарты.

Я улыбаюсь.

Напряжение отпускает меня. Почти.

Мы входим в воду.

Холод сначала кусает щиколотки, потом обхватывает колени. Дно твёрдое, песчаное. На нём лежат круглые чёрные камни с белыми полосами.

Я поднимаю один.

- Сувенир? – спрашивает Ангелина.
- Проверяю, настоящий ли.
- И как?
- Убедителен.

Камень тяжёлый и ледяной. Я бросаю его обратно.

Он уходит под воду почти без плеска.

Только один короткий звук.

Будто озеро сглатывает.

Мы двигаемся медленно. На глубине по пояс становится легче: кожа немеет, дыхание выравнивается. Поверхность остаётся гладкой даже вокруг нас. Отражения елей ломаются ровно там, где проходят наши тела, и сразу смыкаются за спиной.

– До того камня, – говорю я, показывая на плоскую плиту в нескольких шагах. – Потом назад.

- Мы только вошли.
- Именно поэтому ещё можем выйти без спасателей.
- Хорошо, мама.
- Никогда так меня не называй.
- Хорошо, начальник.
- Ещё хуже.

Ангелина смеётся, опускает маску и ныряет.

Её рыжий хвост исчезает под водой.

Я считаю.

Пять.

Семь.

Десять.

На счёте «двенадцать» она выныривает у плиты и сдёргивает маску.

– Там что-то есть.

Улыбки нет.

– Что?

– Свет.

– Какой свет?

– Зелёный. Ниже камня.

– Бутылка.

– На дне?

– Стекло отражает солнце.

– Солнце за деревьями.

– Тогда водоросли.

– Светящиеся?

– Такие бывают.

– Здесь?

– Не знаю.

– Посмотри сама.

– Нет.

Она молчит.

Любопытство – не только её проблема. Моё просто говорит спокойным голосом и всегда объясняет, что действует рационально.

Я натягиваю маску.

Под водой лес исчезает.

Остаются приглушённый стук моего сердца и склон, уходящий вниз слишком круто. Водорослей почти нет. Только несколько тёмных лент медленно колышутся там, где я не чувствую течения.

Ниже каменного уступа мерцает зелёное пятно.

Оно не отражает свет.

Оно светится само.

Я выныриваю.

– Видела? – спрашивает Ангелина.

– Да.

– Ну?

– Там зелёный свет.

– Невероятное заключение.

– Возможно, минерал.

– Или портал.

– Конечно. У нас последний день отпуска. Самое время открыть портал и не выйти в понедельник.

– Ты сама сказала, что не хочешь на работу.

– Не настолько.

Ангелина снова смотрит вниз.

– Ещё раз. Чуть глубже.

– Нет.

– Ника.

– Мы договорились до камня.

– Мы у камня.

– Значит, возвращаемся.

Она собирается спорить.

За спиной, в лесу, ломается ветка.
Мы обе оборачиваемся.
На берегу никого.
Одежда лежит на корнях. Телефон Ангелины поблёскивает рядом с полотенцем. Белый пакет с абрикосами шевелится, хотя ветер не касается воды.
Одна из елей возле тропы качается.
Остальные стоят неподвижно.
– Кабан? – шепчет Ангелина.
– Надеюсь, белка.
– Очень тяжёлая белка.
Мы ждём.
Лес молчит.
– Уходим, – говорю я.
На этот раз Ангелина кивает сразу.
Мы поворачиваем к берегу.
Делаем два шага.
И слышим стук.
Он приходит снизу.
Три медленных удара.
Ровных.
Будто кто-то по ту сторону воды проверяет, закрыта ли дверь.

Глава 2. Немое озеро

Первая мысль – камни.
Подземная полость. Давление воды. Что-нибудь нормальное, научное и не имеющее пальцев.

Потом стук повторяется.
Три удара.
Точно такие же.
Ангелина хватается меня за локоть.
– Ты слышала?
– Да.

Мы стоим по пояс в воде и смотрим на зелёный свет под каменным уступом. Всё разумное во мне требует одного: к берегу. Медленно, чтобы не упасть. Быстро, чтобы успеть. Одеться, добраться до машины и никогда больше не смеяться над предупреждающими табличками.

Свет вспыхивает ещё раз.
На секунду становится виден ровный круг.
Потом гаснет.
– Пойдём, – говорю я.
Ангелина не спорит.
Это пугает больше стука.
Мы делаем шаг.
Потом второй.
Посреди озера что-то всплывает.

Сначала я вижу серую ветку. Гладкую, без коры, с пятью короткими отростками. Она лежит на воде, медленно поворачивается и поднимает один конец.

Отросток сгибается.
Это не ветка.
Это кисть.
Белая, распухшая от воды и слишком большая для человека.
– Ника, – выдыхает Ангелина.
Рука поворачивается ладонью к нам.
Один палец шевелится.
Мы бежим.

Вода взрывается вокруг бёдер. Песок, ещё минуту назад твёрдый, уходит из-под ног. Я проваливаюсь по грудь, выныриваю и хватаю воздух.

До берега несколько метров.

Там полотенца. Телефоны. Пакет с абрикосами. Там машина, трасса и понедельник, который внезапно кажется обещанием нормальной жизни.

Ангелина впереди.
– Быстрее!
– Я пытаюсь.
Под правой ступнёй скользит что-то мягкое.
Лента обвивает щиколотку.
Я дёргаю ногой. Петля ослабевает, потом затягивается снова – выше, крепче.
– Ангелина!
Она оборачивается.
– Что?
– Запуталась.

Она возвращается сразу.
Ни вопроса. Ни раздражения. Ни «я же говорила». Хотя говорила как раз я.
– Не двигайся.
– Очень полезно.
– Я серьёзно.
Ангелина опускается под воду. Рыжие волосы исчезают. Я стою, раскинув руки, и смотрю туда, где была огромная кисть.
Поверхность гладкая.
Руки нет.
Можно решить, что нам показалось. Мы обе испугались ветки. Вода искажает форму. Пальцы двигались из-за волн.
Только волн нет.
Ангелина выныривает, отбрасывает волосы с лица.
– Там толстый корень.
– Сними.
– Не получается. Он уходит вниз.
– Водоросль?
– Не знаю. Надень маску. Посмотри.
Я опускаю её на лицо.
– Нож в рюкзаке.
– Я добегу.
– Нет.
– До берега пять шагов.
– Не оставляй меня.
Фраза вырывается слишком быстро.
Я не прошу людей остаться. Обычно я заранее решаю, что справлюсь сама, и только потом злюсь, когда получается плохо.
Ангелина смотрит мне в лицо.
Шутки исчезают.
– Не оставлю, – говорит она.
Мы набираем воздух и ныряем вместе.
Под водой холоднее.
Я вижу наши ноги, серый песок и тёмную ленту вокруг моей щиколотки. Она толще водоросли, гладкая, почти чёрная. Один конец обхватывает кожу. Второй тянется за край склона – к зелёному кругу.
Ангелина берётся за неё обеими руками.
Я просовываю пальцы под петлю.
Лента пульсирует.
Не качается.
Пульсирует.
Я отдёргиваю руку.
Воздух вырывается изо рта. Ангелина смотрит на меня, не понимая. Я показываю вниз.
По тёмной ленте проходит волна.
Петля затягивается.
Меня дёргает назад.
Мы обе падаем. Колени ударяются о песок. Маска съезжает, в нос входит вода. Я выныриваю, кашляю и тут же снова проваливаюсь по плечи.
– Режь! – кричу я. – Беги за ножом!
– Нет.

– Ангелина!

– Тебя утащит.

– Тогда тяни!

Она обхватывает меня под мышками и упирается ногами в дно.

Мы рвёмся к берегу.

Песок осыпается.

Дно наклоняется, словно под нами медленно поднимают огромную доску. Вода доходит до подбородка, хотя берег остаётся рядом.

Ангелина тянет сильнее.

– Что происходит?

– Не знаю!

– Ненавижу этот ответ!

– Я тоже!

Каждый рывок приближает нас к берегу на ладонь.

Лента отгаскивает обратно на две.

Под водой разгорается зелёный круг. Теперь я вижу его без маски: широкий обод, знаки по краю, тёмная середина. Некоторые знаки похожи на раскрытые рты. Другие – на маленькие тела без голов.

– Отпусти меня, – говорю я.

– Заткнись.

– Возьми нож. Вернёшься.

– Я сказала – заткнись.

– Нас утащит обеих.

Ангелина разворачивает меня к себе.

Её лицо белое от холода. Маска висит на шее. Губы дрожат – не поймёшь, от страха или злости.

– Я тебя здесь не оставлю. Поняла?

– Это не план.

– Зато решение.

Лента дёргает.

Вода закрывает нам рты. Мы уходим вниз, выныриваем и жадно хватаем воздух.

Телефон Ангелины на берегу загорается.

Экран светит между корнями несколько секунд и гаснет.

Мне хочется туда.

К телефону. К машине. К тёте Лиде и её ванной без замка. К начальнику с «короткими вопросами». К кружке, которую я не вымыла.

Вся обычная жизнь внезапно выглядит подарком, который я считала слишком скучным, чтобы открыть.

– На три, – говорю я. – Ты толкаешь меня, я рву ногой.

– Хорошо.

– Раз.

Мы набираем воздух.

– Два.

Ангелина упирается пятками.

– Три!

Мы бросаемся к берегу.

Боль обжигает лодыжку. Петля не рвётся. Кожа под ней горит, словно на ногу надели раскалённое кольцо.

Я кричу.

Ангелина тоже – от усилия.
Петля слабеет.
Всего на секунду.
– Ещё раз! – кричит она.
– Не могу.
– Можешь.
– Воздуха нет.
– Тогда украдём.
Она пытается улыбнуться.
Не получается.
Под нами проходит тень.
Огромная.
Не по дну – за зелёным кругом, словно свет открывается не в глубину озера, а в другое место.
Там появляется лицо.
Сначала лоб.
Потом металлический обруч.
Потом глаз, настолько большой, что я вижу в нём зелёные отблески и собственную крошечную фигуру.
Зрачок движется.
Находит нас.
Я забываю дышать.
– Ника... – произносит Ангелина.
Тёмная лента на моей ноге раскрывается.
Это не лента.
Палец.
Из глубины поднимаются остальные.
Пять длинных суставчатых пальцев обхватывают мои лодыжки.
Рука сероватая, ногти тёмные. Она не похожа на утопленника. Она живая. Тёплая даже сквозь ледяную воду.
Меня тянет вниз.
Ангелина держит.
Её ноги отрываются от дна.
Мы обе оказываемся над чёрным провалом.
Я хватаюсь за огромный палец, пытаюсь разжать его руками. Кожа под ладонями гладкая и твёрдая. Палец толще моего предплечья.
Рука сжимается.
Из лёгких выходит воздух.
Я вижу поверхность наверху. Светлый круг. Корни. Белый пакет с абрикосами.
Ангелина отпускает моё запястье.
На мгновение внутри становится пусто.
Она выбрала жизнь.
Правильно.
Потом Ангелина набирает воздух и ныряет за мной.
Я хочу ударить её.
Вместо этого хватаюсь за неё обеими руками.
Она обхватывает меня под мышками. Колено бьёт в бедро. Мы мешаем друг другу и всё равно держимся.
И в этот момент я знаю, что будет дальше.

Не предполагаю.
Знаю.
Боль в плече.
Большой пузырь воздуха.
Пакет с абрикосами на берегу.
Зелёный круг внизу.
Это уже происходило.
Хотя мы приехали сюда впервые.
Мысль приходит чужая и ясная: круг показал мне конец раньше начала. Не картинку –
связь между тем, что происходит, и тем, чем это закончится.
В глубине мужчина поднимает руку.
Тот, чьи пальцы держат мои ноги, находится по ту сторону света.
Он касается металлического обруча.
Зелёный круг раскрывается.
Не как воронка.
Как стекло, которое поворачивают ребром.
За ним появляется зал.
Каменные стены. Золотой огонь в чашах. Статуя, уходящая вверх. По залу движутся
фигуры размером с дома.
Одна склоняется к кругу.
Лицо становится ближе.
Не понимаю, старый он или только кажется старше из-за тяжёлых складок возле рта.
Металлический обруч проходит по лбу. От него к кругу тянутся зелёные линии.
Он произносит слово.
Я не слышу его ушами.
Оно входит прямо в грудь.
Рука на ногах сжимается.
Свет обжигает глаза.
Вода перестаёт держать тело.
Мы проваливаемся.
Давление исчезает, возвращается, снова исчезает. Нас крутит в темноте. Я не понимаю,
где верх. Ангелина прижимается ко мне так сильно, что ногти входят в кожу.
Вокруг шепчут голоса.
Сотни.
Тысячи.
На чужом языке.
Одно слово я понимаю.
Мелкие.
Я открываю рот.
Вместо воды вдыхаю воздух.
Он пахнет дымом, железом и сладкими пряностями.
Мы падаем вместе с тяжёлым столбом озёрной воды. Внизу приближается камень. За
секунду до удара вода густеет, словно становится прозрачной тканью, и тормозит нас.
Не останавливает полностью.
Только не даёт разбиться насмерть.
Спина ударяется о каменную поверхность. Боль простреливает до затылка. Ангелина
падает сверху и выбивает из меня воздух.
Я переворачиваюсь, кашляю.
Под ладонью гладкий мокрый камень.

Вода растекается вокруг и уходит по бороздам. Поток внезапно обрывается. Последние капли падают сверху тяжёлыми ударами.

Я поднимаю голову.

Зелёный круг висит в воздухе. Внутри ещё видно Немое озеро снизу: чёрную поверхность, размытые деревья, пустой берег и белый пакет у корня.

Круг сжимается.

Становится тонкой линией.

Гаснет.

Остаётся огромный зал.

Мы лежим на дне каменной чаши. Её стенки поднимаются выше человеческого роста, а сама чаша стоит на ладони статуи, которую я успеваю увидеть только кусками: каменные пальцы, складка рукава, лицо под верхней галереей. За ней горят чаши с огнём размером с ванны. Стены теряются в дыму.

Ангелина садится рядом.

По подбородку течёт вода.

– Где мы?

Я хочу ответить.

Не успеваю.

Сверху приходит дыхание.

Глубокое, медленное. От него дрожит дно чаши.

Мы поднимаем головы.

Над каменным краем появляется лицо великана.

Тёмные глаза. Борода, похожая на переплетённые канаты. Металлический обруч на лбу.

Тот самый мужчина.

Он смотрит на нас несколько секунд.

Потом улыбается.

– Две, – говорит он.

Я не знаю ни одного слова его языка.

Но понимаю.

– На этот раз пришли две.

Темнота накрывает меня раньше, чем я успеваю испугаться снова.

Глава 3. Пробуждение среди исполинов

Первым возвращается запах.

Горелое масло. Мокрый камень. Что-то сладкое и тяжёлое, как дешёвые благовония в сувенирной лавке.

Потом – боль.

Пульсирует лодыжка. Ноет затылок. Правое плечо отзывается при каждом вдохе. Я лежу неподвижно и по очереди проверяю тело.

Пальцы двигаются.

Ноги тоже.

Дышать неприятно, но можно.

Рядом кто-то сопит.

– Ангелина?

Голос выходит хриплым.

Ответа нет.

Я открываю глаза.

Надо мной серое небо.

Только слишком ровное.

По нему тянутся золотые линии: круги, углы, незнакомые знаки. В одном месте серый цвет переходит в чёрный – копоть собралась под огромной аркой.

Не небо.

Потолок.

Я лежу внутри каменной чаши.

Мозг несколько секунд перебирает более удобные варианты. Бассейн. Фонтан. Декорация. Очень дорогой павильон, построенный людьми без чувства меры.

Потом я поворачиваю голову.

Край чаши поднимается в нескольких метрах от меня. Стенка почти отвесная, испещрённая неглубокими бороздами. По дну блестят лужи озёрной воды.

У противоположного края лежит Ангелина.

Свернулась на боку. Рыжие волосы закрывают лицо.

Я подползаю к ней.

– Эй. Слышишь меня?

Она не двигается.

Я касаюсь её шеи.

Пульс есть.

Слишком быстрый, но есть.

– Ангелина.

Она морщится, дёргает плечом и открывает глаза.

– Не ори.

Воздух выходит из меня одним резким выдохом.

– Я не ору.

– Тогда почему у меня голова раскололась?

– Возможно, потому что мы упали.

Она медленно садится и обхватывает виски ладонями.

– Куда?

– Хороший вопрос.

На левой скуле у неё красная полоса. Колено содрано. Волосы спутались так, будто она дралась с целым озером и почти победила.

В остальном целая.

Я замечаю, что всё ещё держу пальцы у её шеи, и убираю руку.

– Ты помнишь? – спрашиваю я.

– Озеро. Руку. Тебя тащило вниз. Потом...

Ангелина смотрит на стенки чаши.

– Великан.

– Значит, не показалось.

– Мне очень хотелось бы сказать, что показалось.

Она пытается встать.

С первой попытки не получается. Со второй поднимается, качается и хватается за моё больное плечо.

Я шиплю.

– Прости.

– Ничего.

– Это настоящее «ничего»?

– Нет.

– Хорошо. Значит, ты в порядке.

Я тоже встаю.

Камень ледяной. Мокрый купальник липнет к коже. Воздух теплее, чем у озера, но вода быстро забирает это тепло.

Ангелина обнимает себя руками.

– Где он?

– Кто?

Она смотрит на меня.

– Ника.

– Не знаю.

Мы обе поднимаем головы к краю чаши. Из центра за ним ничего не видно.

– Он нас видел, – говорит Ангелина.

– Да.

– Говорил с нами.

– Да.

– И мы поняли.

– Да.

– Перестань отвечать «да». Мне от этого хуже.

– Хорошо.

Она бросает на меня взгляд.

– Это почти то же самое.

Я подхожу к стенке. Камень шершавый, местами покрыт тонким скользким налётом. Край примерно в два моих роста. Самостоятельно не выбраться.

Провожу пальцами по бороздам и нахожу несколько выступов.

– Подсадишь?

– А потом?

– Посмотрю, где мы.

– Он может быть там.

– Поэтому первой посмотрю я.

– Отличный план. Если тебя съедят, я сделаю выводы.

Ангелина приседает и сцепляет руки. Я ставлю ногу ей на ладони, цепляюсь за камень.

– Только не роняй.

– Я тебя в озеро не бросила. Сейчас поздно начинать.

Она выпрямляется, толкая меня вверх.

Лодыжку простреливает болью. Я нахожу коленом выступ, подтягиваюсь и медленно поднимаю голову над краем.

Чаша стоит на ладони каменной статуи.

Сначала я вижу пальцы – каждый толще моего туловища. Они вытянуты под чашей и держат её, как подношение.

Дальше – запястье, предплечье, согнутая рука.

Статуя изображает женщину с закрытыми глазами. Высотой она с двухэтажный дом. Для этого места – обычное изваяние. Для нас – каменная гора.

На её губах проходит трещина.

За статуей открывается зал.

Ночью – если здесь была ночь – он казался бесконечным. Теперь его можно измерить.

От этого не легче.

Пол выложен плитами размером с небольшую комнату. Колонны уходят метров на пятнадцать вверх. Столешницы подняты над полом примерно на три метра. Сами столы тянутся на десяток.

По стенам висят тканые полотнища.

На ближайшем изображён мужчина в металлическом обруче. Он держит над головой зелёный круг, а из него падают маленькие фигурки.

Люди.

Я всматриваюсь.

Пропорции человеческие. Руки, ноги, головы. Фигурки падают прямо в раскрытую ладонь мужчины.

– Что там? – шепчет снизу Ангелина.

– Зал. Статуя. Никого не вижу.

– Совсем?

– Подожди.

В дальнем конце что-то движется.

Из-за колонны появляется сапог длиной почти в половину моего роста.

Потом второй.

Великан идёт через зал, и каждый его шаг отдаётся в камне под моими пальцами. Он не высотой с башню. Примерно пять или шесть метров – чуть больше трёх человеческих ростов.

То, что я могу назвать число, пугает сильнее.

Это не мужчина из озера.

Этот моложе, без бороды. На нём длинная серая одежда, перехваченная поясом. На плече лежит широкая деревянная лопатка с черенком толщиной с моё предплечье.

Он проходит мимо статуи и не смотрит в нашу сторону.

За ним тянется поток воздуха. Волосы шевелятся у меня на лице.

Я медленно спускаюсь обратно.

– Там кто-то есть.

– Тот же?

– Другой.

– Нас видел?

– Нет.

– Хорошо.

Ангелина садится прямо на мокрый камень.

– Это не хорошо.

– Я знаю.

– Нет, правда. Я сказала «хорошо», но это очень плохо.

Она обнимает колени.
Плечи дрожат.
Я сажусь рядом.
Несколько секунд мы молчим.
Размер зала. Статуя. Понимание чужих слов. Озеро, оставшееся по другую сторону
исчезнувшего круга.
Можно назвать всё сном. Галлюцинацией. Последними вспышками мозга перед смертью.
Но боль в лодыжке настоящая.
Я опускаю взгляд.
На коже темнеют пять длинных полос.
– Покажи, – говорит Ангелина.
Я вытягиваю ногу.
Она осторожно касается следов. Я всё равно отдёргиваюсь.
– Пальцы.
– Я знаю.
– Очень длинные.
– Я знаю.
– Ладно. Молчу.
Не молчит.
Продолжает смотреть.
– Тебя схватили с той стороны, – говорит она тише. – А великан был здесь. Значит, он
мог управлять рукой.
– Или рука принадлежала другому.
– Спасибо. Намного спокойнее.
– Я не пытаюсь тебя успокоить. Я пытаюсь понять.
– А я пытаюсь не заорать.
– Пока у тебя получается лучше.
Она закрывает лицо ладонями.
Я отворачиваюсь, давая ей несколько секунд, и замечаю у стенки комок ткани.
Маленький – по здешним меркам.
Подхожу и разворачиваю.
Одеяло.
Для нас оно похоже на плотный ковёр. Коричневая шероховатая ткань, неровно обрезан-
ные края, будто кусок вырвали из чего-то большего.
Рядом стоит глиняная миска высотой мне до бедра.
Внутри вода.
Чистая. Без тины и железного запаха.
– Здесь были люди, – говорю я.
Ангелина отнимает руки от лица.
– Почему ты так решила?
Я показываю на одеяло и миску.
Она подходит, трогает ткань.
– Может, это для животных.
– Каким животным нужно одеяло?
– Любимым.
Мы смотрим друг на друга.
Слово остаётся между нами.
Любимым.
Домашним.

Редким.

Каким угодно, только не равным тем, кто поставил чашу на ладонь статуи.

– Надо выбираться, – говорю я.

– Из чаши или отсюда вообще?

– Для начала из чаши.

Мы обходим дно.

На противоположной стенке висит верёвка. Толщиной с моё запястье, с узлами через каждые полметра. Она перекинута через край и закреплена снаружи.

Её оставили для существ нашего роста.

Это пугает сильнее, чем радует.

– Нас ждали, – говорит Ангелина.

– Или тех, кто был до нас.

– Ты умеешь выбрать формулировку.

Я дёргаю верёвку.

Держится.

– Поднимемся и спрячемся. Потом найдём выход.

– В зале, где до дверной ручки не допрыгнуть?

– Есть предложение лучше?

– Остаться здесь и притвориться подношением.

– Они уже знают, что мы живые.

– Тогда предложение действительно слабое.

Я лезу первой.

Узлы неудобные. Мокрые ладони скользят. Лодыжка болит при каждом толчке, но высота небольшая.

Я переваливаюсь через край и оказываюсь на каменной ладони статуи.

Под ногами вырезаны линии кожи. Каждая борозда глубиной мне по щиколотку.

Отсюда видно ещё больше зала.

И ещё меньше надежды.

До ближайшего укрытия – складок каменного рукава – метров восемь. Предплечье статуи уходит к полу под наклоном, но до каменных плит около четырёх метров.

Сорваться всё равно значит разбиться.

Ангелина выбирается рядом.

– Ненавижу высоту.

– Ты прыгала с моста на верёвке.

– Там верёвка вела вниз.

– Здесь тоже.

– Эта ведёт обратно в миску.

Мы пригибаемся и бежим к запястью статуи.

Камень сухой, но неровный. По залу гуляют широкие потоки воздуха.

На середине ладони Ангелина останавливается.

– Слышишь?

Слышу.

Шаги.

Молодой великан возвращается. Теперь на деревянной лопатке лежат угли. Красные куски размером с рюкзаки тлеют и роняют искры.

Он идёт к огненной чаше возле статуи.

– Быстрее, – говорю я.

Мы бросаемся к рукаву.

Восемь метров.

Шесть.
Четыре.
Великан останавливается.
Камень перестаёт дрожать.
Я не оборачиваюсь. По резкому вдоху Ангелины понимаю: он нас заметил.
Над залом прокатывается голос.
– Стоять.
Слово сказано на чужом языке.
Но смысл возникает в голове по-русски и давит на виски.
Мы не останавливаемся.
– Быстрее!
– Я и так!
Тень накрывает статую.
Одна ладонь опускается впереди, отрезая путь. Вторая приближается сбоку. Каждая похожа на небольшой овальный стол, прорезанный глубокими линиями кожи.
Для одного человека места едва хватает.
Для двоих – точно нет.
– Влево! – кричу я.
Мы меняем направление.
Указательный палец ударяется о камень справа. Толщиной почти с мою голень.
От толчка я падаю на колено.
Ангелина хватается меня за руку и дёргает вверх.
Перед ней ложится другой палец.
Кожа тёплая, в мелких трещинах и пятнах золы. Ноготь шире моей ладони.
Ангелина упирается в него обеими руками.
Бесполезно.
– Назад!
Поздно.
Великан подводит одну ладонь под меня, другую – под Ангелину. Пальцы смыкаются высокими бортиками, оставляя головы открытыми.
Я падаю на бок и упираюсь коленями в основание большого пальца.
Ангелина оказывается в соседней руке.
Нас поднимают.
Желудок остаётся внизу.
Мы обе кричим. Великан говорит что-то ещё, и его голос перекрывает наши звуки.
На этот раз смысл приходит не сразу, будто проходит через густую воду.
– Тихо. Сидеть.
– Поставь нас! – кричу я.
Он сводит ладони краями и подносит к лицу.
Мы сидим каждая в своей, прижавшись к пальцам.
Один его глаз заполняет половину мира. Радужка светло-коричневая, с золотыми прожилками. На нижнем веке лежит крупинка золы размером с пуговицу.
Он моргает.
Воздух от движения ресниц толкает волосы.
– Говорит, – произносит великан.
Он удивлён.
Наверное, ожидал писк.
– Поставь нас обратно, – повторяю я медленнее. – Мы хотим уйти.
Он хмурится.

– Уйти куда?
– Домой.
– Домой, – повторяет он, будто слово смешное.
Ангелина поднимается на колени в соседней ладони.
– Скажи ему, что нас похитили.
– Он тебя слышит.
– Тогда ты! – Она задирает голову. – Нас похитили. Верните обратно.
Великан переводит взгляд на неё.
Уголок рта дёргается.
– Вернуть решает владыка.
– Какой ещё владыка? – спрашиваю я.
Он не отвечает.

Поворачивается и идёт через зал.
Каждый шаг качает руки. Мы цепляемся за складки кожи. Падение с высоты его груди разобьёт нас о камень, и великан, кажется, это понимает: держит ладони возле тела и прикрывает пальцами.

Осторожность не делает нас свободнее.
Мы проходим мимо погасших огненных чаш, столов и колонн.
Вблизи всё выглядит не просто большим.
Чужим.

На столе лежат инструменты из тёмного металла. Похожи на хирургические. Один зажим длиной с меня.

В стеклянных сосудах плавают растения.

Или части животных.

Я отворачиваюсь.

Возле стены стоит клетка.

Железная, с дверцей и поддоном. Высотой немного больше человеческого роста, достаточно широкая для двух кроватей.

Внутри никого.

На дне – маленькая деревянная кровать, миска, обрывок красной ткани.

У прутьев лежит башмак.

Человеческий.

Я выпрямляюсь, забыв о качке.

– Ангелина.

Она уже смотрит туда.

– Здесь были другие.

– Да.

– Где они?

Великан проходит мимо.

Я смотрю на башмак, пока его не закрывают пальцы.

Ответ может быть любым.

Ни один мне не нравится.

В конце зала открыты двери. За ними тянется коридор шириной с городскую улицу – два великана могут разойтись, не задев друг друга плечами.

По стенам горят светильники. Пламя голубое, без дыма.

Навстречу идёт великанша в тёмно-зелёном платье. Волосы собраны в косы, на поясе звенит связка ключей.

Увидев нас, она останавливается.

– Очнулись?

– Сбежали из чаши, – отвечает наш носильщик.
– Эти всегда бегут.
Она наклоняется ближе.
От неё пахнет мылом и луком.
– Обе целы?
– У светлой нога помечена ловчей рукой.
Светлая – видимо, я.
Ангелина фыркает, словно её обошли при раздаче титулов.
– Владыка ждёт, – говорит женщина. – Он недоволен, что круг закрылся раньше.
– Я не виноват.
– Ты всегда не виноват, Гарн.
– Я был у огня.
– Иди уже.
Они говорят буднично.
Это хуже всего.
Зелёный круг. Две женщины из другого мира. Клетка с человеческим башмаком.
Для них всё это – часть работы. Что-то между уборкой углей и спором о том, кто должен следить за чашей.
Теперь у великана есть имя.
Гарн.
Он идёт дальше.
Ангелина наклоняется ко мне.
– Ты поняла про руку?
– Да.
– Она назвала её ловчей.
– Я слышала.
– Значит, нас ловили.
Я не отвечаю.
Впереди ещё одна дверь. За ней горит золотой свет.
Гарн останавливается перед порогом и опускается на одно колено. Его ладони оказываются почти у пола.
Можно было бы прыгнуть.
Нельзя.
По сторонам стоят двое стражников в металлических нагрудниках. Каждый держит копьё с древком толщиной с моё предплечье.
Из комнаты раздаётся голос мужчины из озера:
– Внеси их.
Пальцы Гарна снова поднимаются вокруг нас.
Перед тем как встать, он смотрит прямо на меня и говорит тихо – настолько тихо, насколько способен великан:
– Не злите его.
В его лице нет сочувствия.
Есть опыт.

Глава 4. Архимаг Вардог

Комната оказывается кабинетом.

Я понимаю это по столу, книжным шкафам и свиткам, сложенным в открытые ящики. Всё остальное напоминает храм, лабораторию и разделочную одновременно.

На стенах висят металлические круги разного размера. Некоторые пусты, внутри других натянуты мутные плёнки, похожие на застывшую воду. Под потолком медленно вращается конструкция из бронзовых колец. Они не касаются друг друга, но при каждом обороте слышится тихий звон. На длинном каменном столе стоят чаши с порошками, ножи, пинцеты и стеклянные сосуды. В одном из них плавает женская коса.

Я стараюсь не думать, к кому она была прикреплена.

Гарн подходит к столу и опускает обе ладони по краям покрытой тканью площадки. Она устроена специально для существ нашего роста: невысокая ограда, ступени, маленькие кресла с высокими спинками. Рядом стоят кувшин и тарелка с нарезанными фруктами.

Снаружи всё выглядит заботливо.

Мы остаёмся сидеть каждая в своей ладони.

За столом сидит мужчина, которого я видела сквозь воду.

Вблизи он кажется старше. Седина лежит в чёрной бороде широкими полосами, кожа у глаз собрана мелкими складками. На лбу – металлический обруч, украшенный зелёным камнем. Камень пульсирует в том же ритме, что круг на дне озера.

На мужчине тёмно-красный халат из тяжёлой ткани. Ворот и рукава расшиты золотыми нитями. На указательном пальце правой руки надето широкое кольцо; зелёный камень в нём размером с грецкий орех.

Он рассматривает нас.

Не так, как Гарн. Тот смотрел на пойманных существ и следил, чтобы не раздавить. Этот смотрит на вещь, которую долго заказывал и наконец получил.

– Поставь, – говорит он.

Гарн наклоняет обе ладони к площадке.

– Мы останемся здесь, – говорю я.

Архимаг приподнимает брови.

– Ты понимаешь меня уверенно.

– Я слышу смысл.

– Это заслуга перехода. И моя.

Он проводит пальцем по зелёному камню на обруче. В висках сразу возникает давление. Я морщусь. Ангелина хватается меня за руку.

– Не трогайте нас, – говорит она.

Мужчина переводит взгляд на неё.

– Вторая тоже говорит. Хорошо.

– У нас есть имена, – отвечаю я.

– Разумеется.

Он ждёт.

Я не собираюсь представляться. Молчание длится несколько секунд. Для него эти секунды, наверное, почти ничего не значат. Великан может сидеть неподвижно дольше, чем человек способен терпеть чужой взгляд. В конце концов Гарн слегка шевелит пальцами, напоминая, что держит нас.

– Ника, – говорю я. – Она Ангелина.

– Ни-ка, – повторяет мужчина. – Ан-ге-ли-на.

В его произношении наши имена растягиваются и становятся чужими. Он произносит каждую часть отдельно, пробуя на вкус.

– Я Вардог, хранитель Круга Семи Истоков, архимаг земель Кроглар и владыка долины от Чёрной гряды до соляных болот.

Ангелина смотрит на меня.

– Скромно.

Вардог слышит. Его губы изгибаются.

– Мелкие часто шутят, когда боятся.

– А большие перечисляют титулы? – спрашивает она.

Я сжимаю её пальцы.

Архимаг смеётся. Негромко, но стол под нами едва заметно дрожит.

– Эта острая. Таких любят на пирах.

Ангелина перестаёт улыбаться.

– Поставь их, Гарн, – повторяет Вардог. – Они не прыгнут. Здесь слишком высоко.

Он прав. Площадка находится на столе примерно в трёх метрах от пола. Прыжок отсюда всё равно закончится плохо.

Гарн осторожно сдвигает нас на ткань. Под ногами она мягкая, ворс доходит до щиколоток. Ангелина тут же отступает от пальцев великана. Я остаюсь между ней и краем площадки, хотя не представляю, что сделаю, если он решит схватить нас снова.

– Свободен, – говорит Вардог.

Гарн кланяется и уходит. Стражники остаются у двери.

Архимаг берёт со стола маленький медный жезл. Для него маленький, для нас – колонна. На конце жезла горит зелёная точка. Вардог проводит им над оградой площадки.

Воздух дрожит.

Ворота в ограде закрываются сами.

– Откройте, – требую я.

– Чтобы вы упали со стола?

– Чтобы мы не были в клетке.

– Это не клетка.

– Ворота закрыты.

– Для вашей безопасности.

– Откройте их, и мы сами решим, что безопасно.

Вардог кладёт жезл рядом.

– Вы прибыли несколько часов назад. Обе были без сознания, замёрзли и едва дышали. Вам дали воду, тепло и место для отдыха. Мои слуги сохранили вам жизнь. Первое, что вы сделали после пробуждения, – попытались убежать с высоты, откуда неминуемо разбились бы. Ваше понимание безопасности пока не вызывает доверия.

Он говорит спокойно. Настолько спокойно, что на секунду мне нечего возразить. Факты подобраны верно. Всё лишнее убрано: рука со дна, исчезнувший дом, клетка с башмаком.

– Вы нас вытащили из озера? – спрашиваю я.

– Да.

– Верните обратно.

– Сначала вы должны восстановиться.

– Мы восстановимся дома.

– Ваш дом сейчас недоступен.

Ангелина подходит к ограде.

– Вы открыли этот круг. Откройте ещё раз.

– Если бы всё было так просто, мелкие встречались бы здесь на каждой дороге.

– Мы не «мелкие».

– В Крогларе – мелкие. Так называют ваш народ уже много веков.

– Наш народ здесь есть? – спрашиваю я.

Вардог откидывается в кресле. Оно скрипит под его весом.

– Есть.

– Где?

– Повсюду понемногу. В домах знати, при храмах, в мастерских. Некоторые живут отдельными поселениями на юге, хотя плохо переносят тамошнюю жару. Большинство попадает через естественные разломы.

– Такие же озёра?

– Озёра, пещеры, глубокие колодцы, места, где слои мира подходят близко. Разлом открывается на несколько мгновений. Иногда проходит один мелкий. Иногда семья. Иногда никого, кроме воды и мусора.

Он произносит последнее слово без насмешки. Просто перечисляет содержимое ловушки.

– И вы собираете людей, – говорю я.

– Я нахожу их раньше, чем они погибнут.

– Ваша рука схватила меня за ноги.

– Ловчая печать не различает удобные способы спасения.

– Это было спасение?

– Ты тонула.

Я замолкаю.

Он снова прав в одной узкой части. Если бы рука не потянула меня через круг, я могла бы остаться в озере. Но она появилась раньше, чем я начала тонуть. Она обвила ногу, когда до берега оставалось несколько шагов.

– Я запуталась из-за вашей печати, – говорю я.

Вардог не отвечает сразу. Берёт чашу, подносит ко рту. От напитка поднимается пар, пахнущий мятой.

– Ты наблюдательна.

– Это не ответ.

– Печать создаёт зов. Вода меняет движение, растения тянутся к источнику силы. Иногда это осложняет переход.

– Осложняет? – Ангелина подходит ко мне. – Она чуть не умерла.

– Но не умерла.

– Вы специально заманили нас.

Вардог делает глоток.

– Да.

Признание звучит буднично. Без попытки оправдаться. Я ждала новой обходной фразы, рассказа о спасении или случайном разломе. Его «да» оставляет после себя пустоту.

Зелёный камень на его обруче становится ярче. До этого левая рука Вардога едва заметно дрожала у чаши; теперь пальцы лежат спокойно. Одновременно из моих ладоней уходит тепло, будто я слишком долго держала их в холодной воде.

Вардог касается обруча и закрывает камень пальцами.

Я решаю, что дело в страхе и усталости. Другого объяснения всё равно нет.

Ангелина хватается за ограду обеими руками.

– Вы похитили нас.

– Я призвал вас.

– Это одно и то же.

– Нет. Похищают у владельца. Вы не принадлежали никому, когда вошли в круг.

– Мы принадлежим себе.

Вардог смотрит на неё дольше.

– В вашем мире, возможно.

У меня холодеют ладони. Я вытираю их о купальник, и только теперь замечаю, насколько нелепо мы выглядим: босые, мокрые, почти раздетые, на столе у существа, которое говорит о нас как о бесхозных предметах.

– Нам нужна одежда, – говорю я.

Слова кажутся неуместными, но произнести их важно. Вернуть хотя бы одну обычную потребность. Одну вещь, которую он должен сделать не как владыка, а как хозяин комнаты, где мёрзнут два человека.

Вардог смотрит на наши тела без смущения.

– Принесут.

Он звонит в маленький колокол. Его звук низкий и тяжёлый. Почти сразу в боковую дверь входит великанша с ключами, которую мы встретили в коридоре.

– Мара, дай им ткань и еду. Потом осмотри светлую ногу.

– Уже готово, владыка.

Она ставит на край стола деревянный ящик и открывает его. Внутри лежат свёртки ткани, маленькие полотенца, две пары сандалий и корзина с едой.

Маленькие – для них. Для нас всё почти обычного размера, только сшито грубо.

Мара открывает ворота площадки медным ключом, хотя Вардог только что запер их магией. Я замечаю это и запоминаю. Значит, замок работает двумя способами.

Она просовывает внутрь свёртки.

– Снимите мокрое, – говорит великанша.

– Здесь? – Ангелина оглядывается на Вардога и стражников.

– В укрытии.

Мара нажимает на рычаг у ограды. Из пола поднимаются деревянные перегородки, образуя небольшую комнату. Внутри стоят скамья и пустой таз.

– Я осматрю ногу после, – добавляет она.

– Не нужно, – отвечаю я.

– Ловчая метка может загнить.

– У меня просто синяк.

– Как хочешь. Загниёт – отрежем.

Она говорит это без угрозы, словно сообщает погоду.

– Мара, – произносит Вардог.

– Что? Я предупредила.

– Мягче.

– Они всё равно не верят мягким словам.

Великанша закрывает ворота и отходит. Я беру свёртки. Внутри простые длинные рубахи, штаны на завязках и бельё. Ткань чистая, пахнет щёлоком. Размеры примерно подходят.

Мы прячемся за перегородками.

– Он нас похитил, – шепчет Ангелина, стягивая мокрый купальник. – И даже не скрывает.

– Тише.

– Ты думаешь, перегородка останавливает звук?

– Нет. Но думать легче, когда ты не кричишь.

– Я не кричу.

– Почти.

Она натягивает рубаху через голову. Рукава закрывают пальцы, подол доходит до середины икр. На груди ткань расходится, потому что завязки пришиты слишком далеко. Я отдаю ей шнурок от своих штанов.

- А ты?
- Подвяжу тканью.
- У тебя нога.
- Нога не удерживает штаны.
- Очень смешно.
- Я не шутила.

Мы переодеваемся молча. Мой купальник тяжёлый от воды. Я выжимаю его над тазом и складываю на скамью. Хотелось бы спрятать – единственную вещь из дома, которая осталась со мной, – но прятать негде.

В карманах новой одежды пусто. Нет телефона, ключей, документов. Всё лежит на берегу Немого озера, если он ещё существует для нас.

- Как думаешь, наши вещи найдут? – спрашивает Ангелина.
- Наверное.
- Решат, что утонули.
- Я завязываю штаны.
- Наверное.
- Мама с ума сойдёт.
- Она отворачивается. В голосе нет слёз, и от этого хуже.
- Мы вернёмся, – говорю я.
- Ты не можешь знать.
- Не могу.
- Тогда зачем говоришь?
- Потому что другого плана пока нет.

Ангелина проводит ладонью по волосам. Они начинают подсыхать и выются сильнее обычного.

- Хорошо, – говорит она. – Сначала узнаём, как работает портал. Потом выбираемся.
- Да.
- И если этот Вардог полезет руками...
- Что?

Она смотрит на свои кулаки.

– Придумаю.

Мы выходим из-за перегородок.

Вардог за это время не изменил позы. Он читает свиток, держа его одной рукой. Рядом Мара раскладывает еду на площадке: куски жёлтого фрукта, лепёшки, сыр, миску с густым супом. Запах заставляет желудок болезненно сжаться. Я не помню, когда ела в последний раз. Утром был бутерброд, потом печенье в машине.

- Садитесь, – говорит Вардог, не отрываясь от свитка.
- Мы ещё не закончили разговор.
- Вы голодны.
- Это не отменяет разговор.
- Ешьте и говорите.

Я не хочу брать его еду. Это похоже на согласие принять правила. Но Ангелина уже садится у миски.

- Если нас решили отравить, – говорит она, – могли сделать это в озере.
- Утешает.

Я сажусь рядом.

Мара оставила две ложки. Суп пахнет мясом и травами, которых я не знаю. Я пробую совсем немного. Вкус простой, солёный, без странной горечи. Желудок требует ещё. Через несколько глотков руки перестают дрожать.

Вардог сворачивает свиток.

– Итак, Ника и Ангелина. Из какого вы края?

– Россия, – отвечает Ангелина с набитым ртом.

Он ждёт продолжения.

– Страна, – объясняю я. – Наш мир разделён на страны.

– Как называется мир?

Мы переглядываемся.

– Земля.

– Земля – это почва.

– У нас ещё название планеты.

– Планеты, – повторяет он. – Вы знаете, что живёте на шаре среди звёзд?

– Да.

Вардог чуть наклоняется вперёд. Впервые в его глазах появляется интерес, не связанный напрямую с владением нами.

– У прежних мелких знания различались. Одни считали, что их мир лежит на спине животного. Другие умели описывать движение небесных тел. Переходы открываются в разные эпохи.

– Вы забирали людей из прошлого? – спрашиваю я.

– Из иных времён относительно друг друга. Я не могу установить, какое из них для вас прошлое. Потоки между мирами редко совпадают. Один человек прожил здесь одиннадцать лет и вернулся в свой мир через два дня после исчезновения. У другой женщины дома прошло тридцать лет, хотя у нас – одна зима.

– Откуда вы знаете?

– Первая вернулась через тот же круг и оставила запись. Вторая увидела на берегу взрослую дочь.

Ложка застывает у меня в руке.

– Значит, дома может пройти сколько угодно?

– Не сколько угодно. Сколько позволит смещение слоёв. От нескольких мгновений до многих лет.

Ангелина опускает кусок лепёшки.

– Когда мы вернёмся, там могут пройти годы?

– Могут.

– А может не пройти ничего?

– Может.

– Вы не знаете?

– Я умею открывать путь. Время выбирает не маг. Договор может назвать мир и место выхода. Момент – нет.

Я пытаюсь понять, говорит ли он правду. Удобная неопределённость помогает держать нас в страхе, но он не выглядит человеком, который врёт ради эффекта. Ему проще сказать то, что считает нужным, и не объяснять остальное.

– Сколько людей вы уже призвали? – спрашиваю я.

Вардог касается пальцем кольца.

– За свою жизнь – тридцать семь.

– Где они?

– Некоторые умерли.

Ангелина медленно кладёт ложку.

– От чего?

– Болезни, несчастные случаи, старость. Один попытался убить моего предшественника и был казнён. Четверо бежали в леса. Двоих нашли звери раньше, чем стража. Остальные служат там, где оказались полезны.

– В клетках?

– Иногда клетка спасает жизнь. Вы малы. Кошка может унести вас, как мышь. Птица – поднять в воздух. Даже крысы здесь крупнее вас.

Я вспоминаю пустую клетку в зале.

– Чей башмак лежит возле прутьев?

Вардог не спрашивает, о чём я.

– Девушки по имени Лейна. Она жила при святилище девять лет.

– Где она теперь?

– Умерла зимой.

– От болезни?

– От возраста.

– Сколько ей было?

– Около сорока ваших лет, по её подсчётам.

– Это не старость.

– Для мелких в Крогларе жизнь короче. Местная пища, магический фон, размер мира – всё влияет. Некоторые приспосабливаются лучше.

Я отодвигаю миску. Голод исчезает.

– Вы знали об этом и всё равно призвали нас.

– Я вложил в ритуал значительную силу. Разумеется, знал, ради чего.

– Ради чего?

Вардог смотрит на нас поверх сцепленных пальцев.

– Мелкие редки. Редкость имеет цену.

В большую дверь стучат дважды. Не слуга: стук слишком короткий, почти невежливый. Один из стражников открывает, и в кабинет входит мужчина в дорожном плаще.

Сначала я замечаю, что на плаще нет ни золота, ни вышитого знака. После Вардога и его людей отсутствие украшений выглядит отдельным заявлением. Потом – шрам у виска, тёмные волосы, собранные на затылке, и левую руку с укороченным безымянным пальцем.

Он выше Гарна и немного выше Вардога. Если первый был около пяти метров, этот ближе к пяти с половиной. Три с лишним моих роста – не башня, но достаточно, чтобы его колено оказалось выше моей головы.

Мужчина останавливается, увидев нас.

Не подходит ближе.

– Ты сказал, круг открылся пустым, – произносит он.

– Я сказал, что не знаю результата, – отвечает Вардог. – Ты слышишь только то, с чем удобно спорить, Кель.

Имя мне незнакомо, но по тону ясно: они знают друг друга давно и не любят ещё дольше.

Кель переводит взгляд с наших мокрых волос и грубых рубаш на тёмные следы у меня на лодыжке. Лицо остаётся жёстким; только взгляд задерживается на следах дольше, чем на одежде.

– Они вошли сами?

– Спросите нас, – говорю я.

Он смотрит прямо на меня. Серые глаза. С такого расстояния их цвет почти неразличим, но сам взгляд ощущается ясно.

– Вы вошли сами? – спрашивает Кель.

– Меня схватила печать. Она нырнула следом.

Ангелина поднимает руку, как на перекличке.

– Та, которая совершила вторую ошибку, – это я.

Уголок его рта двигается, однако он не улыбается.

– Ты называл это естественным разломом, – говорит Кель Вардогу.

– Я называл естественными разломы, которыми пользуется ловчая сеть. Не приписывай мне свою невнимательность.

– Сеть тянет живых людей.

– Именно для этого построена.

– Тогда не говори о спасении.

Вардог кладёт ладонь рядом с нашей площадкой. Кольцо на его пальце отбрасывает зелёный отблеск на ткань.

– Ты приехал за картами западного тракта, Ториан, а не за правом читать мне нравственные наставления. Особенно после того, как сам месяцами пользуешься моими дорогами, рынками и домами.

Ториан не отводит глаз.

– Пользоваться дорогой – не то же, что называть клетку гостевой комнатой.

– Но дорога оплачена тем же серебром. Тебе просто нравится выбирать участок системы, на котором твои сапоги выглядят чище.

Он не отвечает.

Это важнее красивого возражения. Если бы Ториан был невиновен, он бы уже сказал.

– Вы его знаете? – спрашиваю я.

– К сожалению, – отвечает Вардог.

– Достаточно, чтобы знать: он оформит принуждение аккуратно, – говорит Ториан. – Если даст договор, читайте сами. Особенно строку о безопасных способах возмещения.

– Вы нам помогаете? – спрашивает Ангелина.

Ториан смотрит на закрытые ворота площадки.

– Пока только называю замок замком.

– Очень щедро.

– Нет.

В этом слове нет защиты. Он понимает, что этого мало. И всё равно не открывает ворота. Вардог разворачивает свиток, лежавший возле чаши.

– Ларна будет завтра. Она и прочитает им условия.

– Из Палаты связей? – спрашивает Ториан.

– Других Ларн ты знаешь мало.

– Тогда не называй её своей советницей. Синяя печать не принадлежит хранителю круга.

Вардог смотрит на него без улыбки.

– Пока книга Палаты открыта, нет. Именно поэтому её свидетельство признают даже мои враги.

– И именно поэтому ты не можешь переписать договор после крови.

– Не собирался.

Ториан переводит взгляд на нас.

– Он не сможет заставить Ларну выдать ложь за точность. Но она не отменит закон только потому, что закон отвратителен.

– Закон отвратителен не всегда, – говорит Вардог. – А теперь заberi свои карты и не мешай мне оценить результат семи месяцев работы.

Ториан подходит к краю стола. Стражник передаёт ему кожаный тубус. На мгновение его рука оказывается рядом с нашей площадкой. Шрамы на костяшках старые; под ногтем большого пальца застряла тёмная земля.

Он мог бы опустить палец на ограду. Сломать замок, подхватить нас, сделать хоть что-нибудь, что в книгах выглядело бы спасением.

Вместо этого забирает тубус.

Перед дверью оборачивается.

– Не подписывайте, пока не поймёте цену каждого слова.

– Мы вообще ничего не подпишем, – отвечаю я.

– Хороший ответ.

– Он не сработает, – говорит Вардог.

Ториан смотрит на него, не на меня.

– Тогда проблема не в ответе.

Дверь закрывается.

После него в комнате остаётся запах холодного воздуха и мокрой кожи. Вардог ждёт, пока шаги стихнут, и только потом возвращает внимание к нам.

– Цена, – повторяет Ангелина.

– Вы умеете работать в местах, куда великан не просунет руку. Чинить тонкие механизмы. Искать жилы в узких шахтных трещинах. Ухаживать за некоторыми растениями. Развлекать гостей. Служить при дворах. Ваши изделия ценят за точность. Ваше присутствие – за необычность.

Он перечисляет занятия, словно читает хозяйственный отчёт.

– Вы продаёте людей, – говорю я.

– Я распределяю службу.

– За деньги.

– За золото

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.